

Послѣдній Кошевой Запорожья

П. Ив. Кальнышевскій*).

31-го октября текушаго года исполнилось сто лѣтъ со дня кончины послѣдняго кошевого Запорожской Сѣчи Петра Ивановича Кальнышевскаго. Это обстоятельство побуждаетъ насъ посвятить нѣсколько словъ памяти этого виднаго дѣятеля Запорожья, а слѣдовательно — и нашего края. Не задаваясь цѣлью представить его обстоятельную біографію, осмѣливаюсь предложить вашему благосклонному вниманію тѣ краткія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Кальнышевскаго, какія существуютъ въ русской исторической литературѣ. Полагаю, что онъ вполне заслуживаетъ того, чтобы ему было уделено вниманіе нашего научнаго общества.

Свѣдѣнія о жизни Кальнышевскаго до вступленія его въ число братчиковъ запорожскихъ сохранилось очень мало. Извѣстный историкъ Новороссійскаго края, А. А. Скальковскій въ своей исторіи Новой Сѣчи, или послѣдняго коша Запорожскаго, сообщаетъ, что онъ былъ родомъ изъ Гетьманщины, казакъ Лубенскаго полка (въ нынѣшней Полтавской губерніи). А одинъ изъ біографовъ Кальнышевскаго (г. Ефименко въ „Рус. Стар.“ за 1875 г., № 11, стр. 8), основываясь на свидѣтельствѣ могильной надписи надъ мѣстомъ упокоенія нашего кошевого, указываетъ на 1691-й г., какъ годъ его рожденія; но другіе не вполне довѣряютъ этому свидѣтельству и оставляютъ открытымъ вопросъ о

*) Рефератъ, читанный въ засѣданіи Екатеринославской губернской архивной комиссіи 30 ноября 1903 года. П. В. Лавровъ г. 1903 г.

времени рожденія послѣдняго кошевого. Ничего неизвѣстно о его молодости и условіяхъ его жизни на родинѣ. Несомнѣнно лишь то, что племянница Кальнышевскаго была замужемъ за Лубенскимъ хорунжимъ Стефаномъ Вертилькомъ, отъ котораго произошли Херсонскіе помѣщики Вертильки, владѣвшіе въ первой половинѣ XIX вѣка селеніемъ Мѣловымъ (или Омеловымъ въ Херсонскомъ уѣздѣ). Ничего положительнаго нельзя сказать и относительно времени поступленія Кальнышевскаго въ сѣчевое товариство. Знаемъ только, что онъ принадлежалъ къ Кушевскому куреню и былъ записанъ подъ именемъ Петра Калныжа. То обстоятельство, что Кальнышевскій начинаетъ играть видную роль среди сѣчевиковъ съ начала 50-хъ годовъ позапрошлаго столѣтія, даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что къ тому времени онъ въ Сѣчи былъ уже не новичкомъ. Первые несомнѣнныя извѣстія о нашемъ кошевомъ имѣемъ отъ 1750 г. Въ этомъ году онъ былъ уже войсковымъ есауломъ. Въ этой должности онъ явился ревностнымъ гонителемъ гайдаковъ, которые въ большомъ количествѣ скрывались въ глухихъ мѣстахъ обширныхъ запорожскихъ палестинъ и отсюда предпринимали набѣги на польскія помѣстья лежавшія близко къ границамъ вольностей запорожскихъ. Изъ за этихъ набѣговъ происходили частыя недоразумѣнія у представителей польской власти съ русской администраціей въ примыкающихъ къ Польшѣ русскихъ владѣніяхъ. Жалобы поляковъ на набѣги гайдаковъ, которыхъ они смѣшивали съ запорожцами, вынуждали Кіевского генераль-губернатора, въ вѣдѣніи котораго находилась до 19 октября 1750 г. Запорожская Сѣчь, требовать отъ коша, чтобы тотъ принялъ самыя рѣшительныя мѣры къ прекращенію гайдацкихъ набѣговъ. Чтобы исполнить настойчивыя требованія русской власти и доказать что между запорожцами и гайдаками нѣтъ ничего общаго, кошу приходилось употреблять много усилій и труда, но истребленію гайдацкихъ загоновъ. Особенной строгостью по отношенію къ гайдакамакъ отличался кошевой Григорій Федоровъ Лантухъ, не разъ выбиравшійся запорож-

нами на этотъ высокій постъ. При прохожденіи Лантухомъ званія кошевого въ 1750 г., Петръ Кальнышевскій, бывшій въ томъ же году, какъ замѣчено выше, войсковымъ есауломъ, предпринималъ съ командами братчиковъ частія экспедиціи въ мѣста, гдѣ укрывались гайдамаки и безопасно преслѣдовалъ ихъ. Чтобы успѣшнѣе вести борьбу съ гайдамачествомъ, Кальнышевскій учредилъ особые форпосты и разбѣдные отряды, которые подъ властью есаула должны были искать гайдамакъ по степямъ, балкамъ и рѣчнымъ плавнямъ. Въ должности есаула Кальнышевскій въ 1754 году является вторично. И на этотъ разъ онъ является неутомимымъ врагомъ гайдамачины. Во время погони за гайдамаками, онъ напалъ однажды на цѣлый ихъ отрядъ, который засѣлъ съ пушками въ одномъ укрѣпленіи на берегу Буга и оказалъ значительное сопротивленіе своимъ преслѣдователямъ. Но сопротивленіе оказалось напраснымъ: часть отряда была истреблена, другая — принуждена разсѣяться. Затѣмъ, Кальнышевскій былъ избранъ на одинъ годъ войсковымъ судьей. Вліяніе его въ средѣ товарищества замѣтно растетъ, увеличивается вмѣстѣ съ тѣмъ и довѣріе къ нему со стороны братчиковъ. Доказательствомъ тому служить неоднократное назначеніе его въ число децугатовъ, которыхъ Запорожье нѣсколько разъ посылало въ Петербургъ ходатайствовать по дѣламъ коша иувороженіи. Два послѣднихъ десятилѣтія существованія запорожской Сѣчи ознаменовались борьбой Запорожья за цѣлость своихъ земельныхъ владѣній, на отнятіе которыхъ дѣлались покушенія со стороны русскихъ властей и частныхъ владѣльцевъ въ прилегающихъ къ Запорожью областяхъ. Какъ извѣстно, русское Правительство въ XVIII в., желая обезопасить свои южныя границы со стороны татаръ и турокъ, устраивало ряды укрѣпленій и поселяло ландмилиціиные полки, которые должны были охранять наши южныя границы, служить пограничною стражей. При императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ была закончена такъ называемая Украинская линія укрѣпленій, которая должна была служить обороной для Слободской Украины. Елизавета Петровна въ

видахъ защиты окраинъ и извлеченія пользы изъ южныхъ плодородныхъ областей, основала такъ называемую Новосербію и Славяносербію, вызвала изъ предѣловъ Австрій многихъ славянъ, преимущественно сербовъ, и изъ нихъ устроила рядъ военныхъ поселеній въ нынѣшнихъ Елисаветградскомъ и Александрійскомъ уѣздахъ, Херсонской губ. (это Новосербія, гдѣ были долки Хорвата) и въ Бахмутскомъ, и Славяносербскомъ уѣздахъ Екатеринославской губ. (Славяносербія, въ предѣлы которой входили полки Шевича и Прерадовича). Новые поселенцы не довольствовались отведенными для нихъ Правительствомъ участками, но старались заселять новыми выходцами земли, принадлежащая запорожцамъ. Тѣ не пускали на свои земли поселенцевъ, препятствовали селиться пришельцамъ, отъ этого происходили взаимныя недоразумѣнія между кошемъ и начальствующими въ военныхъ поселеніяхъ. Обѣ стороны жаловались другъ на друга гетману Разумовскому, въ вѣдѣніе котораго было передано съ 1750 г. Запорожье, и въ Сенатъ. Запорожцы энергично отстаивали неприкосновенность своихъ владѣній, ссылаясь на старыя привилегіи польскихъ королей и универсалы казацкихъ гетмановъ, особенно на универсалъ Богдана Хмельницкаго отъ 1655 г. Военное начальство, сговявшее во главѣ новыхъ поселеній, относилось къ Сѣчевикамъ непріязненно за то, что они противились новому виду русской колонизаціи земель, которыя, со времени Бѣлградскаго мира Россіи съ Турціей (1740 г.), были признаны принадлежащими Россіи и вошли въ составъ ея областей. Эта колонизація, помимо государственной пользы, была выгодна и для мѣстнаго военнаго начальства, такъ какъ давала возможность ему извлекать доходы отъ вновь занимаемыхъ земель. Неудивительно, поэтому, что оно всегда было противъ Сѣчи и всегда старалось подорвать довѣріе центральнаго Правительства къ запорожцамъ, взваливая на нихъ обвиненія въ непокойствѣ, разбоѣ, гайдамачествѣ и даже намѣреніи измѣнить Россіи и передаться татарамъ. Кошъ оправдывался отъ взводимыхъ на него обвиненій и представлялъ доказательства законности своихъ претензій на

отбираемых у него земли и несправедливости посылаемых на него жалобъ новыхъ поселенцевъ. Самымъ лучшимъ средствомъ для достиженія указанной цѣли и для ознакомленія русскаго Правительства со своими нуждами запорожцы считали отправленіе въ Петербургъ особыхъ депутацій. При Елизаветѣ Петровнѣ такихъ депутацій было посылаемо двѣ. Для насъ обѣ онѣ интересны, потому что въ нихъ принималъ дѣятельное участіе и Кальнышевскій. Первая депутація была отправлена въ мѣсѣ 1755 года и пробыла въ Петербургѣ до половины июля слѣдующаго 1756 года. Для обезпеченія неприкосновенности своихъ владѣній запорожцы просили, чтобы войску запорожскому даны были грамоты на всѣ земли, которыя издавна принадлежали ему. Сенатъ, къ которому обращались они съ этой просьбой*), не удовлетворилъ ихъ желанія на томъ основаніи, что у него нѣтъ точныхъ извѣстій и описаній этихъ земель, за отсутствіемъ въ государственныхъ архивахъ универсала Богдана Хмельницкаго 1655 г. и Царской грамоты 1688 г., на которыя ссылались запорожцы въ подтвержденіе своихъ давнихъ правъ на спорныя земли. Въмѣсто удовлетворенія просьбы запорожскихъ делегатовъ, Сенатъ распорядился, чтобы гетманъ Разумовскій, комендантъ крѣпости св. Елизаветы, стоявшій во главѣ Новосербіи и запорожское войско назначили особыхъ лицъ для совмѣстнаго опредѣленія пространства запорожскихъ земель и ихъ границъ. Высочайшимъ указомъ, даннымъ, по поводу такого Сенатскаго постановленія, гетману Разумовскому (10го іюня 1756 года) повелѣвалось: „всѣмъ запорожскимъ землямъ и угодьямъ учинить описаніе, и положи на карту, представить въ Правительствующій Сенатъ, а на принадлежащія къ ихъ безспорному владѣнію земли угодья съ обстоятельнымъ описаніемъ къ

*) Въ 1756 г., по желанію послѣдняго малороссійскаго гетмана графа Разумовскаго, Малороссія и Запорожье были переданы изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе Сената, почему съ этого времени всѣ ходатайства свои, въ томъ числѣ и жалобы на захватъ земель новыми поселенцами, слѣдъ направлять въ Сенатъ.

дачѣ имъ грамоты, учинить формуляр^{*)}. Отказавъ запорожцамъ въ главной ихъ просьбѣ, русское Правительство позволило имъ безпошлинно ввозить въ свои предѣлы изъ малороссіи „все для продовольствія и одежды нужные имъ предметы“ и отпускать въ Малороссію и Польшу и свои собственныя произведенія, продукты рыбной ловли, скотъ и мягкую рухлядь. Но въ то же самое время Правительство дало почувствовать Запорожью, что не намѣрено допускать полной независимости ихъ при выборѣ должностныхъ лицъ: Сенатъ одобрилъ дѣйствія гетмана Разумовскаго, требовавшаго у коша объясненія, на какомъ основаніи онъ избралъ въ 1756 году новыхъ писаря, судью и есаула, не давши знать объ этомъ ему, гетману^{**)}.

Такъ какъ начальство сербскихъ поселеній не скрывало своихъ намѣреній продолжать дальнѣйшій захватъ запорожскихъ земель, то коша нашелъ нужнымъ послать въ 1758 г. новую депутацію въ Петербургъ съ цѣлью ходатайствовать снова о пожалованіи запорожскому войску грамоты на владѣніе имъ землями и о томъ, чтобы впредь не отводились ни подъ какия поселенія участки изъ его земель. Кальнышевскій былъ и во второй депутаціи. Но и это ходатайство Сѣчи не было удовлетворено, хотя депутаты Запорожья жили въ Петербургѣ до начала 1760 г. и обращались за поддержкой и содѣйствіемъ къ знатнѣйшимъ, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ сановникамъ, которымъ доставили „на ралецъ и поклонъ“ разнообразныя подарки, въ видѣ верблюдовъ, кофе, рыбы (особенно свѣже-просольной шуки), сафьяновъ и т. п.

Участіе Кальнышевскаго въ двухъ депутаціяхъ должно было поднять значеніе его въ глазахъ съчевиковъ. Можно было ожидать, что онъ будетъ избранъ въ кошевые. Такъ и слу-

*) Скальковскій.—Исторія Новой Сѣчи... т. II, стр. 197—199 (изд. 2-е, 1846 г., Одесса). С. М. Соловьевъ—Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, въ шести книгахъ, кн. V, стр. 968—969. (изд. товарищ. „Общественн. польза“).

**) Соловьевъ—Исторія Россіи..., V кн., стр. 969

чилось въ 1762 году. Въ средѣ самого товариства къ этому времени появилось дѣленіе на двѣ партіи; къ одной изъ нихъ принадлежали богатые сѣчевики, которые имѣли свои зимовники и хутора, занимались скотоводствомъ и торговлею и стояли на сторонѣ порядка и полного подчиненія русскимъ властямъ; другая партія считала въ рядахъ своихъ представителей черни, немущій классъ товариства — это партія престоноародная, такъ называемая «сирома» (сиромахи), стоявшая за сохраненіе старыхъ сѣчевыхъ порядковъ, вѣками сложившагося строя и неприкосновенности давнихъ правъ запорожскихъ. Кальнышевскій не могъ нравиться послѣдней, такъ какъ стоялъ за исполненіе предписаній русскаго Правительства и строго наказывалъ всякое проявленіе своеволя въ средѣ братчиковъ. Престоноародная партія была недовольна Кальнышевскимъ и въ слѣдующемъ (1763) году помѣшала его избранію въ кошевыя; но черезъ два года, именно въ 1765 г., его снова выбираютъ кошевымъ, и въ этомъ званіи онъ остается въ продолженіе десяти лѣтъ до самаго уничтоженія Запорожской Сѣчи. Такое небывалое въ исторіи Запорожья явленіе, какъ десятилѣтнее пребываніе одного и того-же лица въ должности кошевого, объясняется, какъ переживаемыми тогда Сѣчью обстоятельствами, такъ и личными качествами Кальнышевскаго. Историческія обстоятельства того времени были, какъ и раньше сказано, крайне неблагоприятны для Сѣчи. Русскія поселенія съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе подвигались къ югу и охватывали вольности запорожскія съ сѣверо-запада и сѣверо-востока. Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II захваты запорожскихъ земель еще болѣе усилились. Начальствующія лица Новосербіи, Славяносербіи и Украинской линіи старались распространить свои поселенія и увеличить область своего вѣдомства на счетъ принадлежащаго низовому войску подъ тѣмъ предлогомъ, что земли его пусты и незаселены. Всѣ старанія коша отстоять свои земли законнымъ порядкомъ не увѣнчивались успѣхомъ. Тогда общая войсковая рада (въ 1763 г., 2 апрѣля), на которой во-сторжествовала престоноародная партія, постановила насиль-

но выгнать поселенцевъ, перешедшихъ границы запорожскихъ земель, что и было приведено въ точное исполненіе Бугогардовымъ полковникомъ Деркачемъ. Такія дѣйствія запорожцевъ были, конечно, истолкованы русскимъ Правительствомъ въ самомъ неблагопріятномъ для нихъ смыслѣ. Дурное мнѣніе русскихъ властей по запорожцахъ, какъ скопищъ бродягъ, какъ о буйной и недисциплинированной массѣ, подтверждалось. Можно было ожидать, что русское Правительство станетъ поддерживать ту партію итѣхъ лицъ изъ среды товариства, которая будетъ на сторонѣ порядка, т. е. будетъ удерживать запорожцевъ отъ подобныхъ насильственныхъ дѣйствій по отношенію къ русскимъ поселенцамъ. Кальнышевскій, сдѣлавшись кошевымъ, крѣпко взявъ въ свои руки власть и не шедъ навстрѣчу желаніямъ запорожской черни, строго наказывалъ за всякое проявленіе своеволія и враждебныхъ дѣйствій противъ новыхъ, нежелательныхъ сосѣдей Запорожья. Такой кошевой и нуженъ былъ для Правительства. Военныя власти основываемыхъ поселеній оказывали ему дѣятельную поддержку и тѣмъ самымъ усиляли его вліяніе на дѣла коша. Наибольше свободолубивая и безшабашная часть товариства, такъ называемая сирома, не долюбивала Кальнышевскаго и не разъ пыталась лишить его званія кошевого, но старанія эти оставались тщетными, въ виду поддержки, оказываемой Кальнышевскому со стороны русскихъ властей. Такъ, наприм., въ 1768 г., во время войсковой рады, когда кошевой, по старому обычаю, спросилъ: „а шо, братчики, будемо робыты?“ — толпа сиромахъ, вооруженныхъ съкирами и саблями, разогнала собраніе и произвела безчинства. Кальнышевскій долженъ былъ бѣжать изъ Сѣчи; переодѣвшись въ монашеское платье, онъ удалился въ Кодакъ, гдѣ находился русскій гарнизонъ, и донесъ о происшествіи знаменитому Румянцеву, командовавшему тогда южной арміей. Угрозы Румянцева заставили смириться строптивыхъ братчиковъ. Кальнышевскій остался кошевымъ, но въ слѣдующемъ (1769) году произошло возмущеніе въ Корсунскомъ куренѣ, усмирненное только вмѣшательствомъ русскаго отряда, а

въ мартѣ 1770 г. казаки Щербиновскаго куреня составили было заговоръ съ цѣлью убить Кальнышевскаго и перенестись въ Турцію, что впрочемъ имъ не удалось. Помимо поддержки русскихъ властей, и нравственные качества Кальнышевскаго давали ему вѣсъ въ запорожской средѣ. Его смѣлливость и непреклонный характеръ заставляли всѣхъ подчиняться ему, а его благочестіе, известное всѣмъ, еще болѣе возвышало его авторитетъ въ средѣ казачества. Онъ любилъ сооружать церкви и давать на нихъ щедрыя пожертванія. Такъ, онъ построилъ церкви въ Лохвицѣ, Ромнахъ и, уважаемому всѣми запорожцами, Межжигорскомъ монастырѣ; въ Иерусалимѣ, ко гробу Господню, послалъ богатые церковные сосуды. Въ тоже время онъ, какъ человѣкъ практики, хорошо понималъ современное ему положеніе Запорожья, сознавалъ настоятельную необходимость для него измѣнить въ некоторымъ сврѣмъ традиціямъ и ввести новые порядки. Такъ какъ отсутствіе хлѣбопашества на запорожскихъ земляхъ въ продовольственномъ отношеніи ставило кошъ въ большую зависимость отъ казны, присылавшей ему провіантъ, и отъ смежныхъ съ Запорожьемъ русскихъ областей, то Кальнышевскій употребилъ большія усилія на умноженіе въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ селъ, хуторовъ и зимовниковъ, требуя, чтобы новые поселенцы непременно пахали землю и сѣяли рожь. Съ этою цѣлью онъ переманилъ многихъ болгаръ и молдаванъ изъ Новой Сербіи, принималъ бѣглыхъ изъ Польши и даже Россіи и давалъ имъ земли въ Кодацкой и Орельской паланкахъ. Русскіе крестьяне, особенно изъ близкой къ Запорожью Слободской Украины, недовольные помѣщичьимъ гнетомъ и подушными налогами, бѣжали въ запорожскія владѣнія и тамъ увеличивали число хлѣбопашцевъ. Но бѣгство крестьянъ на земли Сѣчи вызывало недовольство русскихъ властей и помѣщиковъ, линавшихъ рабочей силы и доходовъ, и давало имъ новый поводъ жаловаться на кошъ. Заселеніемъ земель хлѣбопашцами Кальнышевскій хотѣлъ поддержать падающее Запорожье, реформировать его. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи была

такъ важна и полезна, что, по мнѣнію Скальковскаго, если бы политическія событія семидесятихъ годовъ XVIII ст. не уничтожили нужды въ запорожскомъ войскѣ, то онъ надолго спасъ бы отъ гибели эту знаменитую рыцарскую общину. Но усилія одного человѣка не могли противостоятъ теченію историческихъ обстоятельствъ. Свѣчь уже не нужна была русскому Правительству, даже, больше того, она стояла на пути его стремленій колонизовать южныя окраины Россіи, а потому Свѣчь должна была пасть. Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II и съ учрежденіемъ ею Новороссійской губерніи (въ 1764 г.), надо было со дня на день ждать уничтоженія Запорожья. Только возникшія въ 1768 г. между Россіей и Турціей осложненія, повлекшія за собою русско-турецкую войну (первую въ царствованіе Екатерины II—съ 1769 по 1774 г.), на нѣсколько лѣтъ оттянули разрушеніе Свѣчи: запорожцы нужны были русскому Правительству для этой войны. Въ этой войнѣ запорожцы принимали очень дѣятельное участіе, неся коронную службу, производя развѣдки о неприятелѣ, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ и нанося своей легкой флотиліей значительный уронъ турецкимъ военнымъ судамъ. Кальнышевскій принималъ непосредственное участіе въ военныхъ трудахъ коша. Заслуги запорожцевъ въ этой войнѣ*) признавались русскими генералами (Румянцевымъ, кн. Долгорукимъ и др.); они неоднократно похвалялись даже съ высоты царскаго трона, о чемъ свидѣльствуютъ Монаршія милости и грамоты, дарованныя запорожскому войску. Многие изъ свѣчниковъ были награждены золотыми медалями, а всему войску за службу 1771 года дана высочайшая грамота, въ которой Государыня въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отзывалась о доблести и подвигахъ запорожцевъ и выражала свое Монаршее благоволеніе къ „сему мужественному и ревности къ вѣрѣ и отчеству преисполненному войску... за подъятыя имъ подвиги, основанные на сугубой должности вѣрнаго подданнаго“.

*) Побѣда ихъ надъ турецкимъ флотомъ въ Днѣпровскихъ гирлахъ въ 1770 г., экспедиція къ устьямъ Дуная въ 1771—73 гг. и др.

данства и благочестія^{*)}). Кальнышевскій тоже не остался безъ награды: „за оказанные отлично храбрые противу неприятеля поступки и особливое къ службѣ усердіе“ ему была пожалована золотая медаль съ портретомъ Императрицы. Последняя сама, въ 1772 г. поручила генераль-поручику князю Вяземскому написать кошевому очень дельный для него ордеръ относительно отправленія запорожскихъ лодокъ въ Черное море къ устьямъ Дуная. Съ нимъ переписывались такіа лица, какъ, уже упомянутый выше, Румянцевъ, Задунайскій и свѣтлѣйшій князь Тавриды. Последний записался братчикомъ въ Купевскій курень; въ своихъ письмахъ къ кошевому называлъ его своимъ батюкомъ и выражалъ свои къ запорожскому войску любовь и готовность къ услуженію. Повидимому, все шло прекрасно; прежнее недовольство Правительства на запорожцевъ за ихъ „воровство“ было забыто. Кальнышевскому трудно было думать о той тяжелой участи, которая вскорѣ постигла его.

Первая русско-турецкая война окончилась выгоднымъ для Россіи Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ (1774 г.) Предѣлы ея расширились Запорожье окружается со всѣхъ сторонъ русскими владѣніями. Сѣчь теперь не нужна, и тотъ же самый Грицько Нечоса (подъ такимъ именемъ князь Потемкинъ записался въ число запорожцевъ), раньше дитавшій расположеніе къ запорожцамъ, становится ихъ первымъ недругомъ. Задавшись цѣлью поскорѣ колонизовать вѣреннѣйшій его управленію вновь присоединенный къ Россіи край, князь Потемкинъ ожидалъ препятствій для своей дѣятельности со стороны коша, а потому и постарался уничтожить Запорожскую Сѣчь. Въ маѣ 1775 г. генералу Текелю приказано было взять Сѣчь 4-го июня того же года онъ окружилъ ее со всѣхъ сторонъ. Запорожье не оказывало сопротивленія, такъ какъ среди него не было единомышленниковъ. Наиболее горячія головы настаивали на необходимости защищаться, но большинство видѣло невозможность противиться. Кошевой и вся войсковая старшина подали

*) „Кіев. Стар.“ 1885 г., № 1, стр. 124.

примѣръ: они, по требованію Текеллія, явились къ нему, выразили полную покорность и всецѣло положились на волю русскаго Правительства. Изъ числа запорожской старшины кошевой Кальнышевскій, войсковой писарь Иванъ Глоба и войсковой судья Павелъ Головатый были арестованы. Партія не желавшихъ подчиниться обстоятельствамъ времени бѣжала въ Турцію и тамъ въ устьяхъ Дуная основала Задунайскую Сѣчь, существовавшую до 1828 года. 3 августа 1775 г. обнародованъ высочайшій манифестъ, которымъ возвѣщалось, что за оскорбленіе и неповиновеніе высочайшей власти „Запорожская Сѣчь въ конецъ разрушена, съ истребленіемъ на будущее время и самаго названія запорожскихъ казаковъ.“^(*)

Кальнышевскій, Глоба и Головатый были отправлены въ Москву, гдѣ и содержались до окончательнаго рѣшенія своей участи при конторѣ военной коллегіи. 14 мая 1776 года послѣдовала высочайшая конфирмація доклада князя Потемкина о ссылкѣ Кальнышевскаго въ Соловецкій монастырь, а двухъ его сотоварищей по заключенію (Глобы и Головатаго) въ Сибирскіе монастыри. Доставка бывшаго кошевого къ мѣсту его заточенія поручено было секундъ-маіору А. Пузыревскому съ однимъ унтеръ-офицеромъ и пятью рядовыми. Пузыревскому предписано было содержать „арестанта въ крѣпкомъ присмотрѣ“ и во время пути удалять его отъ всякаго постороннимъ сообщенія“. Въ Соловецкій монастырь несчастный кошевой представленъ былъ 29 июля 1776 года. Святѣйшій Синодъ, которому донесено было объ осужденіи Кальнышевскаго на заточеніе въ Соловецкомъ монастырѣ, сообщилъ архимандриту сего монастыря, что бывший кошевой осужденъ „на вѣчное содержаніе“ въ монастырѣ и предписалъ содержать его „безвыпускно изъ монастыря... за неослабнымъ карауломъ обрѣтавшихся въ ономъ мо-

^(*) „Полное собраніе законовъ Россійской имперіи съ 1649 года, изд. 1830 г., т. XX, № 13354, стр. 190—193. Здѣсь же указываются и причины разрушенія Сѣчи.“

настырь солдат", и удалять его „не только от передисокъ, но и от всякаго съ посторонними людьми обращенія“. На содержаніе ему вѣдно было отпускать ежедневно по одному рублю „изъ вступившаго въ секвестръ бывшаго запорожскаго имѣнія“*). Строгія предписанія, вышшаго начальства, были въ точности исполняемы монастырскими властями. Кальнышевскаго подвергли строгому одиночному заключенію; только на Рождество, Пасху и Преображеніе (престольный праздникъ въ монастырь) ему позволяли выходить на общую трапезу, но и тутъ не позволяли ему говорить съ присутствующими. Итакъ онъ жилъ почти до самой смерти своей. Только въ 1801 г., по Высочайшему повелѣнію, Кальнышевскій былъ освобожденъ отъ заточенія, но изъ монастыря не пожелалъ уйти и здѣсь окончилъ свои дни. Въ Соловецкомъ монастырь онъ оставилъ по себѣ память своими довольно щедрми пожертвованіями. И теперь еще показываютъ здѣсь парчевую ризу съ вышитыми шелкомъ цвѣтами въ восточномъ вкусѣ, которая сдѣлана, какъ гласитъ монастырское преданіе, изъ кунтуша послѣдняго кошевого, и—евангеліе съ устроеннымъ на средства Кальнышевскаго богатымъ окладомъ. Обѣ доски евангелія обложены серебромъ 84-й пробы, вызолочены и богато украшены священными изображениями прекрасной художественной работы. Весь окладъ имѣетъ вѣсу 34 фун. 25 зол. и стоитъ по тому времени 2435 руб. Евангеліе снабжено надписью, свидѣтельствующею о томъ, что упоминаемый окладъ сдѣланъ нашимъ кошевымъ.***) На средства Кальнышевскаго, по свидѣтельству неугомиаго и плодовиатаго изслѣдователя Запорожской старины г. Д. Ив. Эварницкаго, сооруженъ въ Соловецкомъ монастырь и запрестольный четырехконечный крестъ, въ немъ серебра 13 фун. и 48 золотайковъ.

*) „Русская Стар.“ 1875 г., ноябрь, ст. П. С. Ефименко: „Кальнышевскій, послѣдній кошевой Запорожской Сѣчи.“, стр. 417—118.

**) „Кіевская Стар.“ 1903 г., октябрь, ст. Г. Б.: „Ко дню столѣтней кончины послѣдняго кошевого войска Запорожскаго Петра Кальнышевскаго“, стр. 206—207.

Долгое время печальная участь Кальнышевскаго оставалась неизвѣстной. Осужденіе его на заточеніе и отправленіе въ Соловецкій монастырь хранились въ глубокой тайнѣ. Историкъ Новой Сѣчи, или послѣдняго коша запорожскаго, не знаетъ о послѣдней судьбѣ Кальнышевскаго. Основываясь на словахъ извѣстной пѣсни народной:

Ой полеты полеты, та чорная галко,

Та на Динь рыбы исты!

Ой принеси, принеси та черная галко,

Одъ кошевого висты!

онъ дѣлаетъ заключеніе, что послѣдній кошевой былъ отправленъ на Донъ. Неосновательность такого предположенія Скалковскаго была указана извѣстнымъ нашимъ историкомъ М. Максимовичемъ.*) О мѣстѣ заточенія и смерти Кальнышевскаго впервые стало извѣстно въ нашей исторической литературѣ лишь въ 1848 г. Въ этомъ году въ одной изъ книгъ „Чтеній“ Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ была помѣщена статья С. Зарульскаго „Краткое историческое описаніе Малой Россіи“, гдѣ сообщалось, что Кальнышевскій сосланъ въ Соловецкій монастырь**). Съ этого времени начала понемногу обнаруживаться исторія послѣднихъ годовъ жизни несчастнаго кошевого. Этому дѣлу много способствовали архимандритъ Соловецкаго монастыря Александръ Павловичъ и упомянутый выше П. С. Ефименко. Первый (пріобрѣвшій извѣстность во время осады монастыря англичанами въ 1854 году) былъ здѣсь архимандритомъ съ 1853 г. по 1857 г. (впослѣдствіи, съ 1860 по 1862 г. онъ былъ епископомъ Полтавскимъ). Какъ малороссъ по происхожденію онъ заинтересовался судьбой своего несчастнаго земляка и постарался увѣковѣчить его память въ монастырѣ. Онъ соорудилъ на могилѣ Кальнышевскаго памятникъ въ видѣ каменной

*) „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“, т. I, Кіевъ, 1876 г., стр. 610.

**) Собран. сочин. М. А. Максимовича, т. I, стр. 612.

плиты и снабдилъ его надписью, содержащейъ важнѣйшія
даты относительно жизни Кальнышевскаго. *)

П. С. Ефименко въ „Русской Стар.“ за 1875 г., въ
ноябрьской книжкѣ помѣстилъ упоминаемую выше статью,
въ которой помѣстилъ найденные имъ въ Архангельскѣ
документы о мѣстѣ ссылки и времени смерти послѣдняго
кошевого славнаго войска запорожскаго низового. О

В. Бидновъ.

*) Надпись эта приводится въ „Русск. Стар.“ за 1875 г. въ ст.
Ефименка (ноябрь, 419 стр.), въ „Кіев. Стар.“ за 1903 г. (октябрь, стр.
204) и у Д. Ив. Эварницкаго; редація ея неодинакова. Самой вѣр-
ной надо признать ту, которая приводится Д. Ив. Эварницкимъ. При-
водимъ ее цѣликомъ. „Господь нашъ Исусъ Христосъ положилъ ду-
шу свою на крестъ за всѣхъ насъ — не хочетъ смерти грѣшника. Здѣсь
погребено: тѣло въ Божѣ почившаго кошевого бывшей нѣкогда запо-
рожской грозной Сѣчи казаковъ атамана Петра Кальнышевскаго, сослан-
въ сію обитель по Высочайшему повелѣнію въ 1776 году на смиреніе,
наго Онъ въ 1801 году по Высочайшему повелѣнію снова былъ освобожд-
денъ; но уже самъ не пожелалъ оставить обитель, въ коей обрѣлъ ду-
шевное спокойствіе смиреннаго христіанина, искренно познавшаго свои
вину. Скончался 1803 года октября 31 дня въ суб. 112 лѣтъ отъ роду
смертію благочестивою, доброю. Блаженни жертви умирающіи о Го-
сподѣ. Аминь. 1856 г. А. А.“—Послѣднія буквы-инициалы, подѣ коими
скрылъ себя соорудитель памятника архимандритъ Александръ. (См.
„Кіев. Стар.“ 1903 г., октябрь, стр. 204; „Рус. Стар.“ 1875 г., ноябрь,
стр. 419; срав. „Кіев. Стар.“ 1904 г., январь, въ отд. „документы, извѣ-
стія и замѣтки“, стр. 8).